

ПРОЛОГ

ФЛЕШБЭК № 1

Дождя не было с самой весны. Трава поднялась хилая даже в чистых лощинах, где косили для колхозных коров. В лесных покосах для домашней скотины — еще хуже.

Косили и грабили¹ только бабы. Мальчишки на жожарах² свозили траву к силосной яме, в которой топтались тощие девки. Трава набивалась медленно, потому что даже самая здоровая баба не выкосит столько, сколько работает хлипкий мужик. А их в деревне было всего трое: слонявый Куста, горбатый Митька и председатель Савицкий. Четвертый — дед по прозвищу Ерш, тот, что гнал деготь за кладбищем, где много берез, еще в мае сделал гроб, втащил его на чердак, упал и насмерть убился. В том гробу его и схоронили.

Вечером бабка Хохлиха взяла икону и пошла по дворам. Собрала баб, что подоили коров. Так, всем гуртом, отправилась с иконой в поле молиться, просить Боженку о дожде.

---

¹ Грабить — сгребать граблями траву в кучи.

² Можара — длинная телега с решеткой из досок и палок по бокам.

Ночью прошел дождь, а с утра в деревне готовились к свадьбе. С работы отпустили одних только девок, подружек невесты, их набралось около двадцати. Баб оставили на покосе. Обычное дело, им, старым, пристало только работать.

Оба, и жених, и невеста, были из сосланных чухнов¹. Манька в девках пересидела, кроме нее в семье было еще трое ребят. Отец помер, и мать сосватала ее за горбатого Митю Ренкса. Выдать — и с глаз долой, пусть кормит муж.

В доме, как у всех, была голодуха. В округе на шесть километров не росло даже щавеля. Листья щипали с картошки. Рубили, варили, заправляли отгоном², его было вдоволь, потому что масло сдавали в районный центр по налогу.

Невесту приготовили до обеда. Вырядили в белое платье из отбеленного на морозе холста. Сдвинули столы, покрыли скатертью из того же холста, что платье невесты.

Мать выставила миски с вареной картошкой и солевой капустой красного цвета, такую каждый год квасили с бураками. Вытащила из печки чугунок, в котором томилась брюква. Переложила желтые разваристые кругляши в глубокую чашку. Поставила на стол два гусака³ с самогонкой и медовуху в коричневой крынке.

Младшие сидели на печке, глотая слюны, смотрели, как мать несет к столу тазик с сушками, облитыми жирной сметаной. Еще вчера она выпекла их из муки, которую колхоз выделил к свадьбе. О них все трое мечтали ночью, надеясь,

¹ Чухны — пренебрежительное прозвище эстонцев или финнов.

² Отгон — сыворотка, побочный продукт переработки молока.

³ Гусак — бутылка на 2,5 литра с длинным горлышком.

что, захмелев, кто-нибудь из гостей кинет на печь несколько штук.

Время шло, Манька села в торец стола. Рядом — пустой стул. Подружки запели свадебную и стали ждать жениха.

Наконец услышали скрип ворот, в хату зашел председатель, раскинул руки и прокричал:

— Митька помер!

— Чегой-то? — вскинулась мать.

— Вымылся, штаны постирал, рубаху. Там, в бане, его и зарубили. Всю ночь пролежал, пока не нашли.

— А-а-а-а! — закричала Манька.

Председатель обвел взглядом стол, потом унылые лица подружек. Снял кепку и почесал в голове.

— Ты, вот что... — сказал он Маньке, — чтоб ничего не пропало. За Кусту пойдешь. Сегодня. — Он снова посмотрел на еду. — Жрать нечего...

— За Кусту я не пойду! Он слюнявый, у него рот открыт...

Манькина мать закричала:

— Пойдешь! Я тебя в бочке солить не буду! Ты мне здесь не нужна!

Председатель надел кепку и вышел из хаты. Манька выскочила на улицу, вцепилась в телегу и взревела во весь голос. Председатель ругнулся и вытянул ее хлыстом вдоль спины. Она отцепилась, упала на землю. Из хаты выбежала подружка и стала тащить ее за руки.

— Вставай, Манька, в хату идем.

— Ой лишенько мне, Вера, — плакала невеста. — Ой, лишенько... Грешница я — понесла...

Вера отпустила ее руки, и Манька распласталась в пыли.

- Митенькин?
- Нет, не его.
- А Митенька знал, от кого?
- Знал.
- Теперь ты молчи!

Петрушу Кустова на свадьбу привезли немывтым, в потной рубахе, в портянках и пыльных лаптях. Рубаха, как и штаны, у него была одна. В ней работал, в ней спал, в ней приехал жениться. Никто в деревне его не любил, никто не хотел.

Кусту посадили рядом с невестой. Выпили самогонки и скоро крикнули:

— Горько!

Манька заплакала:

— Я не буду...

А Куста полез целоваться.

Про бедного Митю Ренкса не вспоминали. В сравнении с общей большой бедой его смерть была пустяком.

На дворе стоял июль 1943 года.

ГЛАВА 1

СВЕТЛЫЙ ПУТЬ

Снег выпал уже в ноябре, поэтому весь декабрь Москва была новогодней. Этого настроения Дайнеке хватило до января. В январе наступила сессия. Последний экзамен она сдала в день, когда началась эта история.

В кармане лежала зачетка с деканатской отметкой, Дайнека была свободна, как вольный ветер. Выйдя из метро на своей станции, она споткнулась о раскладной матерчатый стул, на котором висела табличка: «Гадаю». Рядом стояла женщина, нисколько не похожая на цыганку. Встретившись с ней глазами, Дайнека спросила:

— Почему гадаете?

— По руке, — ответила та.

— Я в смысле... Дорого? — уточнила Дайнека и сама себе удивилась, потому что не собиралась задерживаться.

— Двести.

— Рублей?

— Разумеется. — Гадалка посмотрела на нее строгим взглядом поверх очков. Совсем как учитель начальных классов.

После этого нужно было уйти или остаться. Дайнека выбрала второе и уселась на стул.

— Вот... — она протянула правую руку ладошкой вверх.
— Сначала давайте левую, — сказала женщина и села на маленький табурет.

Прохожие не обращали на них никакого внимания.

Дайнека сняла варежку и протянула другую ладошку. Гадалка взяла ее и покрутила, будто улавливая солнечный свет. Отыскав нужный ракурс, склонила голову.

— Теперь правую, — сказала она, не отпуская левой руки.
— Вот.

— Ага... — обронила гадалка и подтянула к носу обе ладошки, поочередно заглядывая то в одну, то в другую.

— Что там? — обеспокоенно спросила Дайнека.

— Не подгоняйте. Дешевле не будет. — Женщина провела пальцем по глубокой линии, которая начиналась на сгибе между указательным и большим пальцем. — Светлый путь, — прошептала она.

— Что?

— Светлый путь, — повторила гадалка.

— Что это значит?

— Отец жив, я вижу его, но не рядом. А вот мать... Такое ощущение, что семья у вас была только в начале жизни. Вы одиноки. Мужа нет... Нет даже собаки. Вижу пустой дом. В Москве лет пять или семь. Издалека...

— Раньше я жила в Красноярске, — подсказала Дайнека.

— Точный адрес по руке не увидишь.

— Остальное все правильно, — Дайнека собиралась закончить гадание, опасаясь, что ворожея скажет что-нибудь неприятное.

Так и вышло.

— Любопытство... Вот что вас все время подводит. Любопытство и безрассудная смелость. А еще желание справедливости.

— Почему же подводит?..

— Думаю, не раз вы лезли не в свое дело и получали за это, — усмехнулась гадалка. — Ведь получали?

— В смысле неприятностей? Ну, бывало... — туманно ответила Дайнека.

— Теперь будет хуже, если вовремя не уйметесь.

— Хуже... насколько?

— Ужас как худо.

— Меня ожидает что-нибудь страшное? — Дайнека вздрогнула и отдернула руку.

Женщина мягко вернула ее и продолжила:

— Все зависит от вас. Не надо вступать между тем, что есть, и тем, что должно быть. Во всяком случае в ближайшее время.

— Почему только в ближайшее? — спросила Дайнека.

— Может случиться нечто непоправимое.

— Я так и знала... — прошептала девушка, имея в виду, что зря ввязалась в это гадание.

— Если послушаетесь меня, ничего плохого не случится.

Кивнув, Дайнека подумала о том, что хорошо бы сбежать. Однако гадалка серьезно посмотрела ей в глаза и, не отпуская рук, продолжила:

— Опасность исходит сверху...

— Что это значит?

— Опасность над твоей головой.

— Глупости, — усмехнулась Дайнека.

— С вас двести рублей.

Она вынула кошелек, нашла пару сотенных и протянула гадалке. После чего встала и поспешила домой.

Дом, где жила Дайнека, был старый, лучше сказать — старинный. Фасад, куда выходили окна ее квартиры, был розового цвета. Цоколь — темно-коричневого. Арка, ведущая в глубь двора, имела пару чугунных створок, которые при желании можно было закрыть, однако закрытыми их никто никогда не видел.

Через эту арку Дайнека прошла утром, отправившись на экзамен, через нее вернулась обратно. Она уже вошла во двор, когда ее вдруг сильно толкнули. Она развернулась и, поменяв направление, споткнулась. Рядом промелькнула машина, которая проехала дальше, к ее подъезду.

Жаркая волна обиды и возмущения охватила Дайнеку, и она рванулась к машине. В салоне сидел водитель. Приблизившись к дверце, она пальцем постучала в стекло.

— Вы чуть не сбили меня!

Водитель на нее покосился, но позы не поменял. Дайнека стукнула еще пару раз. В ответ — никакой реакции.

Она обошла машину. И вдруг поняла — перед ней золотистый «Бентли». Решив, что дальнейшие разборки бессмысленны, зашла в тамбур подъезда, приложила магнитный ключ к кругленькой пимпочке и, когда дверь открылась, поднялась на первый этаж. Перед лифтом стоял крупный мужчина в черном пальто. Обернувшись, он выставил в стороны локти, прикрыв собой распахнутую кабину.

Даже если бы захотела, Дайнека не разглядела бы ничего. Ее нос располагался как раз на уровне верхней пуговицы пальто недружелюбного гражданина. Пришлось свернуть к лестнице. Впрочем, она и не собиралась ехать

на второй этаж в лифте. Где-то на полпути мимо нее вверх проплыла кабина.

Зайдя на второй этаж, Дайнека с ходу отправилась выше. Добралась до межэтажной площадки, и эта точка ее восхождения оказалась конечной. Там стоял еще один гражданин, который был нисколько не дружелюбней. Он заступил ей путь.

Дайнека задрала голову, взгляделась в его лицо, затем развернулась и стала спускаться вниз. Скоро за ней хлопнула дверь квартиры.

Дома она сразу легла в постель, рассчитывая выспаться после бессонной ночи подготовки к экзамену. Потом поняла, что немного перегуляла. Как обычно бывает в таких случаях, в голове бродили глупые мысли, а сна — ни в одном глазу.

Дайнека смотрела на потолок. На нем не было ничего интересного, но в квартире на третьем этаже кто-то расхаживал. Она различила тяжелую поступь, после чего над ней что-то поехало или тяжело покатилося.

Такая активность наверху была необычной. Там проживал старик, который все свое время проводил на даче. Дайнека видела его пару раз. Одна из этих встреч запомнилась ей надолго.

Однажды, когда она училась в десятом классе, вернулась домой из школы, согрела борщ и уже налила его в тарелку, как вдруг к ней в дверь постучали. Решив, что пришла Нина, подруга, что жила в соседней квартире, Дайнека сразу открыла.

На пороге стоял полицейский. Окинув ее взглядом, сказал:

— Вам придется пройти со мной.

— Куда? — поинтересовалась она.

— Этажом выше. Там ограбили квартиру, нужны понятия. Возьмите с собой паспорт.

Дайнека сбегала в комнату, принесла паспорт, прикрыла входную дверь и в тапках отправилась на третий этаж. Дверь квартиры была распахнута настежь. Внутри расхаживали мужчины в форме и обычные штатские.

Один из них спросил полицейского:

— Кто это?

— Понятая.

— Сколько ей лет?

— Сколько тебе лет? — Полицейский переадресовал вопрос Дайнеке.

— Шестнадцать, — сказала она.

— Ошибочка получилась, товарищ следователь. — Офицер козырнул в никуда, как раз посередине между Дайнекой и штатским.

— Что мне теперь делать? — спросила она.

— Идите домой, — приказал следователь и больше не обращал на нее никакого внимания, как и другие, снующие по комнатам люди.

Полицейский ушел искать понятых, а Дайнека вжалась спиной в угол прихожей, стараясь стать незаметной. Жуткая круговерть увлекла ее. Очень хотелось знать, как это все бывает. Постояв в коридоре, она бочком пробралась в гостиную и, пробыв там минут двадцать, перешла в спальню. Так она курсировала по всей огромной квартире, подслушивая, подглядывая и вникая в происходящее.

Спустя какое-то время в гостиную вбежал старик хозяин, схватился за сердце и рухнул в просторное кресло.

— Кто-нибудь! — крикнул следователь, не отрываясь от протокола. — Принесите ему воды!

Дайнека со всех ног бросилась в кухню и вскоре вернулась с кружкой. Ее заметили и попытались прогнать. Однако старик схватил ее за руку, забрал кружку и стал жадно пить воду. Потом поднялся и приказал:

— Отведи меня в кабинет!

Покосившись на своих «гонителей», Дайнека повела его в комнату, которая служила кабинетом. Старик вошел и тяжело привалился к стене. Отдышавшись, сел за письменный стол и выдвинул ящик. К ним приблизился следователь:

— Что-то пропало?

— Орден Ленина и Звезда Героя на месте. Остальное — неважно, — сказал старик и с облегчением откинулся в кресле.

— Ты еще здесь? — Следователь посмотрел на Дайнеку. — А ну, быстро делать уроки!

Так закончился ее первый и единственный визит в ту квартиру.

Дайнека лежала в постели и смотрела в потолок. Наверху тащили что-то тяжелое, затем послышались голоса. Один был определенно мужской и звучал громче других. Ей очень хотелось понять, что там происходит. Сухие деревянные перекрытия имели свои преимущества: казалось, она различает отдельные слова.

— Живей... внимательно... там посмотрел...

Вслед за шагами голоса переместились в соседнюю комнату. Дайнека вскочила и, шлепая босыми ногами, побежала за ними. Сколько ни прислушивалась, ничего различить не смогла. Вот если бы они оказались на кухне...

Дымоход, оставшийся со времен печного отопления и приспособленный под вытяжку для газового оборудования, служил нежелательным звукопроводом. Всем жильцам дома было известно: если хочешь, чтобы твои секреты знали соседи — расскажи их на кухне.

Дайнека передвигалась за голосами по всей квартире. Ее любопытство подстегивалось невозможностью слышать, о чем говорят эти люди. Сначала она пошла в гостиную, потом переместилась в отцовскую спальню, потом в его кабинет. Вслед за шагами и чуть слышными голосами перешла в коридор и мало-помалу оказалась на кухне. Это был ее звездный час. Она взяла стул, приставила его к вытяжке и встала на цыпочки. Так и замерла.

— Что?! — спросил голос, звучавший громче других. Ему стали отвечать, но он перебил: — Светлый путь.

И снова чей-то неразборчивый голос...

— Светлый путь! — крикнул мужчина.

Дайнека втянула голову в плечи, ей стало не по себе. Казалось бы, хорошие слова, а сказаны угрожающе.

ГЛАВА 2

АРОМАТ АЛОЙ РОЗЫ

Утром, пока Дайнека чистила зубы, смывной бочок в туалете квартиры на третьем этаже сработал несколько раз.

— Наверное, у кого-то понос...

Из ванной она прошла в гостиную, окна которой выходили во двор. Села на подоконник, выглянула в окно и ахнула во весь голос. Во дворе творилось что-то невообразимое. Такого Дайнека здесь не видела никогда.

На газоне стоял кремовый автобус с надписью «Мосфильм», под аркой — большой пестрый фургон, от которого к подъезду тянулась связка кабелей. У стены под ее окнами развернулась импровизированная столовая. На покрытом пленкой столе стояли кастрюли с едой. В одной из них точно была селедка под шубой. Там же Дайнека увидела термос с торчащим половником. Рядом со столом топталась круглая тетка в синем фартуке, надетом поверх куртки.

По всему двору рассредоточились жующие люди. Все в руках держали тарелки. Многие из них ели селедку под шубой. В арке стояла группа мужчин и женщин. Все они курили.

Раздался звонок. Дайнека бросилась к двери, открыла, выглянула наружу и увидела, что по лестнице наверх поднимается лысый мужчина в клетчатом пиджаке. Он обернулся и тоже посмотрел на нее.

— Простите, что побеспокоил... — «Клетчатый» стал спускаться к ней обратно.

— Кто вы? — спросила Дайнека.

— Родионов Алексей Петрович, директор съемочной группы.

— Какой еще съемочной группы?

Мужчина сошел с последней ступеньки, размахисто локтем вверх поднял руку и поправил очки.

— Кинематографической. Пришел, чтобы всех проинформировать, а заодно принести извинения за доставленное неудобство.

— Вы здесь, что ли, кино снимаете? — На лице у Дайнеки появилась восторженная улыбка.

Киношник приободрился:

— Российское кино. Наш сериал.

— А где?

— В квартире над вами. Не беспокоим?

— Что вы! Мне даже нравится.

— Вот и прекрасно, — директор выполнил свою миссию и собирался уйти.

— Подождите! — остановила его Дайнека. — А долго вы здесь пробудете?

— Квартиру арендовали на месяц. В идеале — должны успеть. Сегодня утром заехали, только-только установили аппаратуру.

— Разве не вчера? — спросила она.

— В каком смысле? — не понял директор.

— Мне показалось, вы заехали вчера вечером.

— Мой заместитель получил единственный ключ только сегодня. Даже у меня ключа пока нет.

— А как называется?

— Что?

— Ваш сериал.

— «Аромат алой розы».

— Прямо так и называется? — удивилась Дайнека. — А серий много?

— Тридцать две.

На площадку второго этажа поднялся невысокий, худенький человек.

— Здравствуй, Цыбин, хорошо, что пришел. — Родионов пожал ему руку и представил Дайнеке: — Наш режиссер монтажа.

Тот улыбнулся:

— Юрий Цыбин, очень приятно, — сказал и отправился дальше, на третий этаж.

Родионов тоже сделал попытку уйти.

Дайнека спросила:

— А кто будет жить в той квартире?

— Не понял вопроса...

— Ну, по сюжету...

— Ах, вот вы о чем, — он улыбнулся. — По сценарию квартира принадлежит профессору и его сыну, пианисту мирового уровня. Мы долго искали солидный интерьер в стиле восьмидесятых. Действие происходит именно в этот период. — Родионов указал пальцем на третий этаж. — Квартиру выставили в аренду, и мы немедленно ее сняли. Когда режиссер увидел фотографии, сразу сказал: то что надо. Пять комнат, есть место для гримерки и костюмерной. Считайте, нам повезло. — Он занес ногу на ступеньку.

Дайнека снова спросила:

— Из артистов кто будет сниматься?

— Короткин, Васильченко, Ветров, Филонова, — перечисляя, Родионов поднимался по лестнице, последнюю фамилию назвал, сворачивая за сетчатый корпус лифта.

Ни одного из артистов Дайнека не знала, но ее восхищение от этого не умерилось.

— А из знаменитых кто будет?!

— Полежаева.

— Спасибо! — прокричала она и услышала в ответ:

— Чего ты здесь разоралась? — Рядом с ней стояла Нина, ее подруга. Она сняла пуховик и энергично встряхнула его. — Снег.

Дайнека поежилась. В подъезде гулял сквозняк.

— Холодно.

— Входная дверь открыта, ее камнем приперли. Видела, что творится во дворе?

— Киношников кормят.

— Уже знаешь... Вера Ивановна с первого этажа подписи собирает. К тебе не заходила?

— Нет. — Дайнека полюбопытствовала: — А зачем?

— Подписи? Чтобы их выгнать. — Нина окинула ее взглядом. — Замерзла? Идем лучше к тебе.

Соседняя дверь открылась. На лестничную площадку вышла старая дама в бежевом платье с белоснежным воротником, сколотым крупной камеей.

— Здравствуйте, Эльза Тимофеевна, — сказала Дайнека.

— Как чувствуешь себя, Людочка? — Старуха называла ее по имени, а не по фамилии, как предпочитала девушка.

— Хорошо! — жизнерадостно сообщила Дайнека.

— Мне кажется, ты простужена.

— Со мной все в порядке.

— Бабуль, я найду к Людмиле, потом сразу домой, — Нина обняла старуху за плечи. — Завари, пожалуйста, чай.

— И все-таки, Людочка, прими аспирин. — Эльза Тимофеевна с достоинством удалилась.

Дайнека впустила Нину в прихожую, захлопнула дверь и помогла повесить в шкаф ее пуховик. Они вместе прошли в гостиную.

— У тебя есть градусник? — спросила Нина.

— Зачем?

— Смерь температуру.

— Я здорова, — возразила Дайнека, но все-таки нашла градусник.

Нина стряхнула его и сунула ей подмышку.

— Если бабуля сказала, значит, ты заболеваешь. Она на три метра под землей видит.

Дайнека уселась в кресло и спросила:

— Где ты была?

— Да так... Бабуле сказала, что ночью у матери, маме — у бабули. К счастью, они редко созваниваются. Чего ты орала на лестнице?

— Когда?

— Только что.

— А... Это ко мне директор приходил.

— Киношник? Зачем?

— Про сериал рассказывал.

— Только за этим?

— Извинения приносил. А мне, знаешь, нравится, что в нашем подъезде кино снимают.

— Сериал, — поправила ее Нина.

— Какая разница?

— Большая. Теперь столько мусора развелось. Этот как называется?

— «Аромат алой розы».

Нина забрала градусник и, взглянув на него, озабоченно свела брови.

— Лекарства у тебя есть?

— А зачем мне лекарства? — спросила Дайнека.

— У тебя температура тридцать восемь и пять!

— В аптечке наверняка что-то валяется.

— Бабуля велела пить аспирин, но я думаю, лучше — антибиотик. — Нина прислушалась. — Тебе не кажется, что стучат?

— Они целый день стучат и что-то там перетаскивают.

— Да нет, в дверь...

Дайнека вскочила с дивана, однако Нина остановила ее:
— Сиди, я открою. — Немного погодя из прихожей раздался ее голос: — У тебя есть фартук или передник?

— Зачем? — Не в силах усидеть, Дайнека прошла к двери. На пороге стоял молодой симпатичный парень.

— Фартук нужен в качестве реквизита, — вежливо разъяснил он. — Мы снимаем сцену на кухне.

— У меня только с Дедом Морозом, — сказала Дайнека.

— Прекрасно.

— Но ведь у вас в фильме — восьмидесятые.

— В восьмидесятых тоже были фартуки с Дедом Морозом.

Нина прошла на кухню и быстро вернулась с передником.

— Этот? — спросила она у Дайнеки и развернула его.

Паренек деликатно взял фартук из Нининых рук.

— Спасибо. — И спросил у Дайнеки: — Ну, я пошел? — Не дожидаясь ответа, выскочил из прихожей и побежал вверх по лестнице.

— Если что, заходите! — проорала она в открытую дверь.

— Угомонись, — велела Нина и взяла свой пуховик. —

Пойду я.

— Не посидишь? — с сожалением проронила Дайнека.

— Спать хочу.

— Не буду спрашивать, что ты делала ночью.

— И не надо...

С этими словами Нина закрыла дверь, и Дайнека осталась одна.

К вечеру она совсем разболелась. Съела пару таблеток, спать легла рано.

ГЛАВА 3

ОДНОЙ ЛУЧШЕ

Всю ночь у нее был жар. Температура поднялась до тридцати девяти, а под утро тело покрылось испариной. Дайнека переоделась в сухое, и ей стало легче.

Утром приехал отец и, не снимая пальто, заглянул в ее комнату.

— Здравствуй, папа. Кажется, я заболела... — сообщила она.

— Я будто чувствовал.

— Температуры уже нет...

— И как я тебя одну оставлю? — Отец сел на кровать рядом с ней.

— А в чем сложность? Жила же я одна до сих пор.

— Сложность в том, что тебе нужен уход. Надо чем-то питаться.

— Купи мне продуктов. До холодильника я как-нибудь доберусь.

Вячеслав Алексеевич пристально посмотрел на дочь. Худенькая фигурка, бледное, осунувшееся от болезни лицо. Короткие темные волосы ежиком торчат в разные стороны.

— Нет, — он решительно встал с дивана. — Сейчас же соберу твои вещи.

— Я не поеду на дачу! — крикнула Дайнека, когда он направился к шифоньеру. — Говорю тебе, я отлично справлюсь сама!

Вячеслав Алексеевич обернулся.

— Мы опять возвращаемся к старому разговору, — строго сказал он. — Если ты не хочешь встречаться с Настей...

— Нет, папа, дело не в этом.

— Не ври. Я знаю, что это так.

— Ну, если знаешь...

— Тысячу раз тебе говорил, Настя полноценный член нашей семьи. Как и Серафима Петровна. — Он стал беспокойно ходить по комнате. — Не моя вина, что мама от нас ушла...

— Папа, не надо, — жалобно попросила Дайнека.

— Прости, не буду. — Он снова сел на кровать и взял ее за руку. — Ну, как ты здесь будешь одна?

— Эльза Тимофеевна и Нина живут в соседней квартире.

— Они всего лишь соседи. Эльзе Тимофеевне в пору самой помогать. Ей лет девяносто.

— Она еще вполне ничего, — возразила Дайнека.

— Хорошо, — Вячеслав Алексеевич встал и направился к выходу. — Сейчас куплю продуктов. Позвони, если тебе еще что-то понадобится.

Хлопнула дверь, Дайнека осталась одна. Схватившись за телефон, набила отцу эсэмэску:

«Купи, пожалуйста, газировки».

Она давно простила отца за его привязанность к этим женщинам: гражданской жене и ее матери. Они создали для него комфортный, уютный мир, в котором не было места для нее, его дочери. Впрочем, Дайнеке не очень-то туда и хотелось. Она отпустила отца с Богом и стала привыкать жить одна, тоскуя о матери, которой тоже не было в ее жизни.

Теперь настало время подумать, как отнестись к встрече с гадалкой. Проще всего решить, что ее предсказания — де-

шевое надувательство. Все изменила одна фраза, которую Дайнека услышала сначала от нее, а потом на кухне, когда стояла на стуле у воздуховода. Мужчина, который расхаживал по квартире над ней, отчетливо произнес слова: «Светлый путь». То же самое она услышала от гадалки. Могло ли это быть простым совпадением? Могло. Только Дайнека в это не верила.

Теперь ей было ясно: мужчина, которого она слышала, приехал сюда в золотистом «Бентли». Это его охранники не пустили ее в лифт, а потом на третий этаж. И как этого богатея соотнести с теткой, гадающей у метро?

О том, что предсказала гадалка, Дайнека решила не думать. Просто сказала сама себе:

— Поживем — увидим.

Вячеслав Алексеевич вернулся из магазина, выложил в холодильник продукты и снова сел на кровать рядом с дочерью.

— Я зашел к Эльзе Тимофеевне, сообщил, что ты заболела. Тебе поможет ее внучка. Или кем там она ей придется...

— Нина — ее правнучка.

— Ого... — Он помолчал, потом заговорил очень решительно: — Через два месяца тебе исполнится восемнадцать. Купим машину — сразу переедешь на дачу. До университета оттуда ехать не больше часа.

Дайнека не возражала, она не собиралась продолжать бессмысленный спор. Просто для себя решила, что будет жить в московской квартире.

Посидев с ней еще немного, Вячеслав Алексеевич уехал на дачу. Когда попрощался с дочерью, вид у него был виноватый. Впрочем, как и всегда.

Убедившись, что он ушел, Дайнека тихо сказала:
— Лучше быть больной и голодной... Лучше одной, чем с Настей и Серафимой Петровной.

ГЛАВА 4

ОКНО ВО ДВОР

Ближе к вечеру Дайнека окончательно поняла, что ей нечем себя занять. Она легла в постель и какое-то время слушала, вернее прислушивалась, что делается наверху. Отчетливо звучали шаги, и было ясно, что там много народа.

Больше всего на свете Дайнеке хотелось оказаться в самой гуще кинематографических событий. Села бы в уголке и сидела так, чтобы ее никто не замечал и, главное, не прогонял.

Представив себя на съемках, она тут же стала выдумывать, как ей туда пробраться. На ум пришла фамилия лысого: Родионов.

Что, если прийти и сказать:

— Где тут у вас Родионов? — А когда он отыщется, прищуриться и процедить с укоризной: — Что же вы, Алексей Петрович, не предупредили меня?

Он, конечно же, возразит:

— Я заходил! Я вас предупреждал!

— Но я-то не знала, — скажет Дайнека, — что вы будете меня так ужасно беспокоить!

— Что же нам делать... — огорчится директор.

И тут она выдаст главное:

— А давайте я здесь посижу.

Теперь осталось придумать, как на это отреагирует Родионов.

Дайнека вздохнула, встала с кровати и потихоньку пошла в гостиную, там вскарабкалась на подоконник. С опозданием сообразила, что он холодный и в следующий раз нужно будет подстелить одеяло.

За окном уже стемнело, и шел снег. Мосфильмовский автобус оставался на месте, как и фургон, от которого тянулись куда-то навверх кабели.

«В окно, — догадалась Дайнека. — Значит, рамы открыты».

Подумала и с сожалением заключила:

— Теперь Вера Ивановна с первого этажа совсем озверет...

Ей страшно не хотелось, чтобы киношники уехали раньше времени. Она решила срочно оценить масштабы бедствия, посмотреть, что творится в подъезде...

Дайнека сползла с подоконника и поковыляла к двери. Вышла на лестничную площадку. У распахнутого окна между вторым и третьим этажом курила стройная женщина.

— Э-э-эй... — тихо позвала Дайнека.

— Да! — вскрикнула женщина.

— Нужно закрыть окно... Иначе Вера Ивановна...

— Нет!

— Как хотите, только Вера Ивановна...

— Плевать я хотела! — В голосе женщины звучала актерская экзальтированность.

— Вы артистка? — спросила Дайнека и поднялась на пару ступенек, чтобы лучше ее разглядеть.

— Завтра не могу! Утром я улетаю. Имею право я отдохнуть пару недель?

— Так я и не возражаю, — удивилась Дайнека и вдруг сообразила, что женщина говорит по телефону. — Ой, — смутилась она и замолчала.

— Брось... Вернусь, тогда и поговорим. — Женщина обернулась и, заметив Дайнеку, дружелюбно ей улыбнулась.

Она узнала эту улыбку. Так призывно, по-цыгански, улыбалась только Лидия Полежаева.

Та продолжала говорить в трубку, разглядывая между делом Дайнеку.

— Сегодня у меня здесь последний съёмочный день.

Дайнека терпеливо ждала, когда закончится разговор. И как только Полежаева отняла трубку от уха, снова спросила:

— Вы артистка?

— Да, — улыбнулась та.

— Лидия Полежаева?

— Спасибо, что узнали.

— Я хотела вас попросить...

— Не стесняйтесь, — Лидия ободряюще улыбнулась, видимо, решив, что речь пойдет об автографе.

— Нужно прикрыть окно, — наконец сказала Дайнека и, указав на сигарету в ее руке, добавила: — И лучше здесь не курить. Если Вера Ивановна увидит, всем будет плохо.

— Конечно. — Лицо у Полежаевой вытянулось, и она стала просто худой, сорокалетней прокуренной теткой.

Взглянув на руку, актриса выкинула окурочек. Потом подобрала и сунула его в стеклянную банку, стоящую на подоконнике.

— Простите, — выдавила из себя Дайнека.

Полежаева прикрыла окно.

— Не за что.

Когда Дайнека вернулась домой, ей стало еще скучнее, и она снова прильнула к окну. Спустя полчаса поняла, что за годы проживания в этом доме многое пропустила. Она совсем ничего не знала про соседей в крыле напротив, хотя замкнутый двор-колодец располагал к наблюдениям. Подумав об этом, она сообразила: возможности у всех равные, за ней тоже могли подсматривать. На четвертом этаже противоположного крыла дома за балконными прутьями Дайнека разглядела старуху, сидящую в инвалидной коляске. Та была укутана в пуховик, а поверх него замотана шалью. Видела ли ее старуха? Наверное, видела. Что еще ей делать, кроме как смотреть на окна соседей?

Балконная дверь открылась, вышла легко одетая девушка, развернула кресло-каталку и втокнула в помещение.

Дайнека задернула шторы. В дверь позвонили, она поспешила в прихожую. На пороге стоял тот же парень, что приходил за передником.

— Простите...

— Заходи, — Дайнека отступила в глубь прихожей.

Парень вошел.

— Найдется у вас турка?

— Чаю хочешь? — с ходу предложила она.

— Мне нужна турка. — Он показал наверх. — Там сцену с кофе снимают...

— Идем, — Дайнека двинулась в кухню. Поколебавшись, парень пошел за ней. — Тебя как зовут? — спросила она.

— Сергей.

— Меня — Дайнека.

- Будем знакомы.
- Вот, — она протянула ему турку. — Сгодится?
- Вполне. Можно ее взять?
- Бери.

У двери он обернулся.

- А как насчет чая... Можно прийти?
- Приходи.
- Минуть через пять.
- Давай, а я пока заварю.

Когда он вернулся, они сели за круглый стол, на котором стояли чайник и тарелка с печеньем.

— Как ты здесь оказался? — спросила Дайнека, поставив перед ним кружку с горячим чаем.

— В смысле?

— Я — про кино.

— Обычная работа. Деньги платят, и ладно.

— Ну, не скажи, — улыбнулась она. — Кино — это круто.

— Первую неделю, от силы — месяц. Потом привыкаешь. Варенье у тебя есть?

— Забыла! — Дайнека достала из холодильника и поставила банку с вареньем на стол. — Слушай, а кого играет Полежаева?

— Любовницу пианиста. — Сергей положил в кружку варенья и облизнул пальцы. — У нее сегодня последний съемочный день на этой площадке. Скорей бы уж смылась — всем надоела.

— Характер плохой?

— Это мягко сказано... Истерит при каждом удобном случае. Костюмеров задержала. Гримерша от нее каждый день плачет. Была б моя воля, я бы ее ссаными тряпками выгнал... — Сергей поднял глаза: — Прости... Короче — по-

ганой метлой. Незаменимая! Да таких, как она, — полно. Мало, что ли, в стране талантливых актрис? Так нет, что ни фильм, снимают одних и тех же.

— У нее — имя, — высказалась Дайнека.

— Только имя и есть. Таланта на три копейки.

— А мне она нравится.

— Осенью снимали в белорусской деревне флеш-бэк¹, — козырнув кинематографическим термином, Сергей скосил глаза на Дайнеку. — Полежаева играла юную героиню. Вот смеху-то было! Ну какая из нее девушка? Она же — старуха!

— А сколько ей? — поинтересовалась Дайнека.

— Сорок четыре.

— Да-а-а, — соглашаясь, протянула она. — Слушай, можешь провести меня на съемочную площадку?

— Зачем? — удивился Сергей.

— Очень хочется посмотреть.

— Думаешь, это интересно?

— Пожалуйста...

— Не знаю, попробую завтра поговорить.

— Может, сегодня?

— Сегодня уже не получится. Завтра давай. — Он посмотрел на часы. — О-о-о... Я пошел. Спасибо за чай.

— Номер моего телефона возьмешь? — с надеждой спросила Дайнека, провожая его до двери.

— Зачем? Если договорюсь, просто зайду.

— Слушай, я хотела тебя спросить...

— Ну?

— Позавчера в той квартире кто-нибудь был?

¹ Флешбэк — сцена из прошлого.